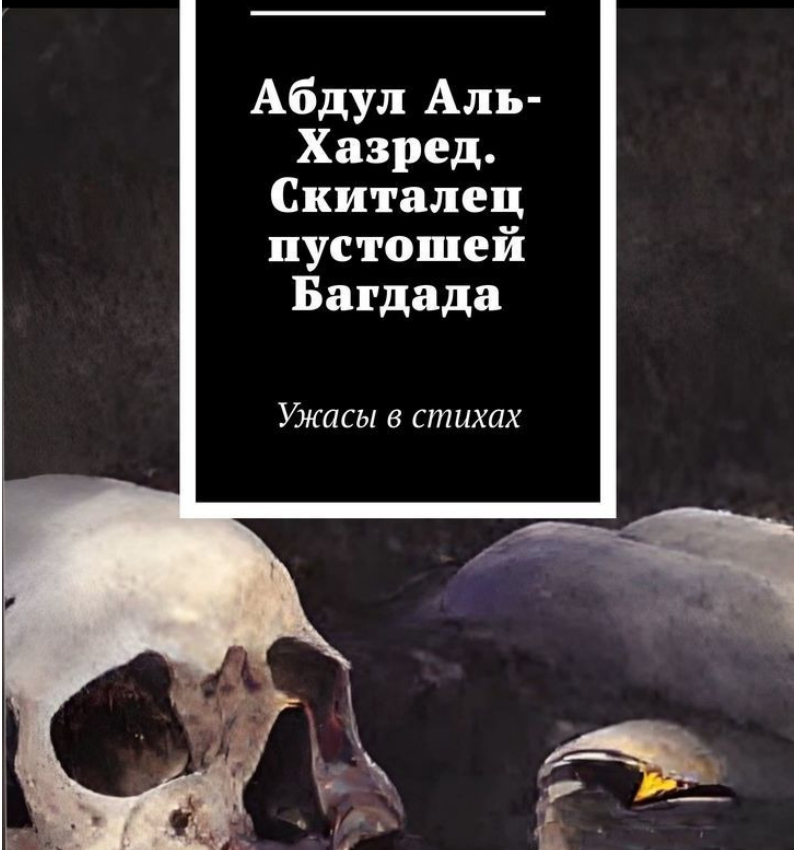
18+

Алексей Сергеевич
Гутора

Абдул Аль-Хазред. Скиталец пустошей Багдада

Ужасы в стихах

Алексей Сергеевич Гутора

Абдул Аль-Хазред. Скиталец пустошей Багдада. Ужасы в стихах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68660666
ISBN 9785005934581

Аннотация

Приветствую, уважаемый читатель. Меня зовут Алексей. Перед вами мои собственные ужасы в стихах, объединенные в поэме «Абдул Аль-Хазред. Скиталец пустошей Багдада», навеянной тематикой творчества Говарда Лавкрафта, а именно его персонажем – безумным арабом, написавшим Некрономикон. Стихотворения являются моей интерпретацией данной темы и моим собственным видением жизни Аль-Хазреда, абсолютно не похожую на описанную в оригинале рассказов.

Содержание

Глава 1. Узник 8
Глава 2. Воспоминания 33
Глава 3. Дитя 43
Глава 4. Багдад 53
Глава 5. Родное село 70
Глава 6. Странник. Сон 81
Глава 7. Луга 87
Глава 8. Туман 93
Глава 9. Раненый 99
Глава 10. Дорожка 105
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Абдул Аль-Хазред. Скиталец пустошей Багдада Ужасы в стихах Алексей Сергеевич Гутора

© Алексей Сергеевич Гутора, 2022
ISBN 978-5-0059-3458-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Абдул Аль-Хазред
Скиталец пустошей Багдада

ужасы в стихах

Предисловие

Если небо встретит громом
Твой печальный взор немой,
Значит ты грехами скован,
Нет добра в тебе, ты – злой.
Если небо улыбнется

Алой тихою зарей,
Предзакатным светом солнца,
Засияв во тьме свечой,
Это потому что знает —
Ты хороший – недурной.
Если встретит небо грустью
В бесконечности светил:
Это значит ты лукавил,
Правды мало говорил.
Небосвод святой все видит,
Знает тайны всего мира,
Он поведает о жизни
И не скроет ее смыслы,
По которым путь далекий
Преданных сынов ведет.
Так что, сын степи жестокий,
Отведи былую злость.

От автора.

Посвящается Говарду Лавкрафту и его вымышленному персонажу Аль Хазреду – арабу написавшему Некрономикон.

Перед вами ужасы в стихах.

Я написал данную поэму в 2010—2012г.

Данное произведение есть моя собственная интерпретация личности и деятельности безумного араба переработанная в поэме, отличающейся от оригинальных рассказов.

Алексей Гутора 2022 г

Оглавление:

Предисловие
Глава 1. Узник
Глава 2. Воспоминания
Глава 3. Дитя
Глава 4. Багдад
Глава 5. Родное село
Глава 6. Странник. Сон
Глава 7. Луга
Глава 8. Туман
Глава 9. Раненый
Глава 10. Дорожка
Глава 11. Нищий
Глава 12. Зара
Глава 13. Кони
Глава 14. Хищное
Глава 15. В мечети. Разговор с имамом
Глава 16. Закат померк
Глава 17. Чумной город
Глава 18. Отчем
Глава 19. Степь
Глава 20. Спор с пророком
Глава 21. Дамаск
Глава 22. Алая тропа
Глава 23. Опий
Глава 24. Некто в сером

Глава 25. Похвала неба
Глава 26. Рахиль
Глава 27. Разговор по душам
Глава 28. Встреча с мельником
Глава 29. На болоте. Лампа Аль Хазреда
Глава 30. Адель. Цветок оазиса
Глава 31. Злой Саит
Глава 32. Абдул Аль-Хазред. Нэкрономикон
Глава 33. Покаяние

Глава 1. Узник

Какая может быть любовь?
Давно убито это чувство.
Я в мир живых прийти готов,
Но связи с ним нещадно рвутся!
Как жалко признавать себя
Отсталым от людского рода.
Но нет в глазах моих стыда,
И ни обиды, ни позора.
Я сам себя сюда загнал:
На край большой кровавой дюны!
Заранее я это знал!
Теперь терзаю нервов струны!
Мне жалость вовсе не в почете.
С прищуром даже приглядись —
Вы милосердия не найдете…
Такою устала моя жизнь…
Я человеком был когда – то,
Со светлой, ясной головой.
Но вот однажды меч разврата
Срубил ее с меня долой!
И если даже сердца стук
Покой смиренный нарушает,
Восстанет прошлых память мук,
Душе сменной угрожая,

Когда я о годах былых
В ночных видениях вспоминаю,
То все проходит в тот же миг,
Лишь веки утром открываю;
Густая темнота извне
Опять с собою поглощает.
Я так устал блуждать во сне…
Мечтая воздуха глотнуть…
Без сил хожу один, в огне, —
Такой судьба дала мне путь.
А мальчик маленький во сне,
Все реже снится стал ночами,
Его размытый силуэт
Уже я плохо различаю,
Его встречаю иногда,
Но вот лица не разглядеть…
Я был мальчишкой тем тогда,
Однако, не могу я стать им впредь.

***

О, люди, вы попали в сеть,
Превознося мирские страсти.
Не церковь больше, не мечеть
Теперь для вас не храмы власти!
Забылось напрочь Неба Царство,
Всякая забылась святость,
Сейчас в почете наглость, хамство,
Которые считают благом. Странность,

Которой вы все понапрасну
Готовы поделиться с ближним братом.

И пусть по жизни он идет
С животным бешеным оскалом.
Бежит, а может быть плывет…
Уподобляясь псам – шакалам
Попав под их тяжелый гнет!

Зачем же быть в греховном мире?
Зачем тут жить не зная правды?
За что страдать, скажи отныне,
Ведь я умру, как все однажды?..
Бороться, падать и вставать.
Веровать, любить, страдать.
И сожалеть безумно сердцем,
Что можешь жить, как большинство,
Грустить в лице, когда ты весел,
Смеяться, если всем смешно.
Тебя осудят просто так,
Сопротивляйся же, дурак,
Ты не такой, как прочий сброд —
Погрязший во грехах народ.

Взамен родного духа получаем
Мы от родителей законный идеал,
И мы его покорно принимаем
И принял он… И ты принял!
Мне горестно смотреть на мир,

На неумелые картины,
Которые чудак чертил
Рукой своею очень криво.
Мне больно замечать людей,
Забывших напрочь о таланте,
Которых мог бы казначей
Представить к золотой награде.
Глазами я смотрю на мир,
Чистыми от злоключения:
Никто мой дух не изменил, —
Я сохранил его с рождения.
Ведь непослушный мальчуган,
Увидев общества капкан,
Когда-то отказался стать
Таким же, как и большинство
И от народа принялся бежать
Возненавидев зло его…
Он убежал в далекий край,
Который видится во снах.
Он и сейчас бежит в ту даль,
Не чувствуя ни боль, ни страх.
Где вечные растут цветы,
На солнечной поляне грез,
Где день всегда, и нет ночи,
Хоть в небе много видно звезд.
В том мире царствует покой.
А руку лишь протянешь вверх,
Забудешь сразу же про боль,
Тебя наполнит детский смех.

Ты небо чистое затронешь,
Откинешь облаков вуаль,
И упадешь, как будто в море,
Где растворяется печаль.
Затем ты поплывешь в лучах
И поцелуешь нежно солнце.
Тебя покинет сразу страх
И сердце юностью нальется.
Цветы предстанут птицами цветными,
Поляна станет существом живым
И стая бабочек взлетит в полыни,
По ветру полетев! Я с ним
Тогда помчался к небесам
Купаясь в теплой синеве,
Да Ангела заметил там.
Он был во всей своей красе.
Наивный сказочный бездельник
С рождения предан облакам.
Он юный, молодой затейник;
При этом был душой упрям.
Меня совсем не замечая,
Тот Ангел канул вдалеке.
И точкой мерно в море тая
В закатном скрылся он цветке.
Я возлюбил просторов шири,
Не зная есть ли они в мире.
Быть может только лишь во сне
Я те края родные видел…
Но все равно надежда мне

Сомнений будет всех милее,
Я верю… Я преодолею…
Дойти когда – нибудь сумею…
До тех прекрасных райских мест.
Сменю свою былую веру
И поцелую святый крест.

***

Заветный сад я представлял
Рисуя красками фантазий:
Цветы, поляну, небеса,
Лазурь из многочисленных сияний;
Я с головою уходил
И погружался в те мечты,
Которые благословил
Мой Ангел с самой высоты.
Эдема солнце нежно грело.
Ко мне вновь возвращались силы,
Они вливались в мое тело,
Как будто из другого мира были;
Поэтому я смог тогда
Шесть долгих лет прожить в гробу,
Их в заточении проведя.
Но на судьбу я не ропщу.
Ведь стал умнее и сильнее,
Преодолев лишения, – пусть
Такая жизнь дана мне свыше,
Я выношу и страх и грусть

Пока дыхание мое дышит.

Являлись грезы, как услада
Вдали от дома, от Багдада,
Под деревом ночуя, иль скалой,
Когда я видел сон ночной,
Цветы себе в уме писал,
Поляны кистью выводил,
И даже скромную деталь
Я четко в мысли привносил.
Рисуя ясно силуэты
До совершенства доводя
Живые светлые портреты,
Того, иного бытия.
Хотелось очень, чтоб приснился
Заветный мир, где грусти нет,
Как и однажды он явился
В спутанный ночи момент…
И зачастую все же мнимо
Я ощущал тепло и свет,
Слепящие невыносимо,
Мои мечты – куда то плыли.
Но жизнь – один сплошной обман.
Из грязи сложенный и пыли,
Ты знаешь это верно сам?
Сердца свои зачем же ранить
В дороге, что во тьму ведет?
Не лучше ли добро оставить,
Освободившись от невзгод?

Уйти от прочего дурного,
Не покориться суете.
И жить уединенно, скромно,
В иной, чем общество среде?

Я был мальчишкой, романтично
Мечтал о многом и вздыхал…
Переживал, но знал отлично
По жизни, что дрянной нахал.
Прошло с тех пор лет пять, быть может,
И я вознесся до небес.
Теперь нас в мире было трое:
Багдадский вор, Шакал и Бес.
Я был мальчишкой тем когда – то,
Я был ребенком! Что за годы!
Пока не скрылся безвозвратно
За зла запретные высоты.

О, молодость, куда ты унеслась?!
Куда ушла в потоке лет?!
Зачем от жизни отреклась
Отвергнув радостный рассвет?!
Я не смогу назад вернуться,
Исправить всю судьбу свою.
Унять порочащие чувства,
Мне подложившие свинью;
Теперь, возможно глядя прямо
В бездонный тартар вековой,
Постигнуть огненной геенны пламя…

И вспоминать те дни,
Когда был молодой.

***

«Много праведных мужей
Обман ковров соткали.
Но однородна грань путей:
Придет смерть и за вами.
Воздай мольбу, прими намаз,
Очистись, как другие;
Омойся, грешный, от проказ…
Смейтесь же, святые!»

Абдул, как горестный старик,
Укрывшийся от света,
В тенях букашек слушал крик,
Дух разбудивших лета.,
Он там осмысливал судьбу,
Перебирая четки дней.
Но не желал воздавать мольбу
И мысль отверг о ней…
Там Сирия уже была,
Персидский край земель, —
Далее пустыня шла, —
Арабский мир за ней.

Багдадский вор ждал одного:
Увидеть ясную обитель.

Он верил, что придет его
Немого Ангела хранитель.
В тени укрывшийся от жара
Абдул пытался в сон уйти,
Однако, время все бежало,
А вор не мог свой сад найти.

***

Устал ходить я, если честно,
Слоняться жалким существом
И не иметь родного места.
О, где же ты, мой отчий дом?
Когда увидимся с тобой?
Приди ко мне, не оставляй
Всех увещаний на потом…
Прошу, хотя бы знак подай,
Что не потеряна душа
И не забыт тобою я…
Судьба моя тебе нужна,
Как свет зори сиянию дня;
Поклявшийся мне дать спасенье,
По – прежнему все так – я раб,
Творю одно твое веление,
Хоть телом и душой ослаб!
Но умереть я не могу…
Устал, но сон наверное
Не хочет быть в моем саду…
Лишаюсь слуха, зрения…

В тумане я блуждаю,
Там мертвых видя часто,
Как только засыпаю.
На мир свой обветшалый,
Больной чумой заразной,
Бегу, от всех отсталый,
Хоть знаю – то напрасно…
Мне видятся одни гробы:
Когтистая дрянная кисть
Через туманные клубы
Стремится крышку сбить.
А в месте странном, не святом,
Засилье туч. Как быть?..
Ушли покой и дух святой,
Что здесь когда – то жили.
И дождь теперь сменяет гной,
А гром гремит до пыли
Твердь сотрясая предо мной
И дуют ветры злые.
Я сжился с вечной тишиной
В душе нетленной ниши;
Когда – то солнца свет живой
Ее теплом грел свыше.
Что изменилось в этот срок?
Ты подскажи, прости?!
Как будто встали поперек
В глотке три кости:
Одна – сомненье – это так
Мне то не отвести.

Вторая – жуткий волчий страх,
Он грезится в пути…
И то так очевидно.

А третья кость – моя обида
На всех людей живых!
Дверь в сад души у них открыта,
А мой на век поник.
***

Сияя ярко солнце
Мне режет больно взгляд,
Оно свирепо жжется,
Я пламенем объят!
Текут из глаз не слезы,
А крови – красный град…
И мучает удушье,
И жалит жажды яд,
Боли рвут подбрюшье,
Душит горький смрад…
Глотка извергает
Желтой желчи сгусток,
Голод дух глодает…
И стонущий желудок
В трепет повергает
Измученный рассудок.
Я сломлен, обессилен,
В упадке нахожусь,
Как будто бы в могиле

Лежу, в гробу ючусь.
Мне сад во снах не снится,
Он проклят навсегда;
Мольбы мои презрели
Святые небеса…
Мне не попасть туда —
Разрушен прежний мир;
Сколько бы теперь я их
И как бы не молил.
Словно что – то сбилось,
Сломался механизм;
Лопнула веревка
И полетел я вниз
К Харибде отощавшей,
Туда, в водоворот,
Водой меня объявший,
В открытый прямо рот…
Мне видится лишь это,
Я не лишен рассудка,
Не нужно представлять меня
Безумнейшим ублюдком…
Но я лишаюсь сна
И ломит мои нервы…
А в голове поют свирепые гиены…

***

Желчь глодает чрево;
И нестерпима боль.

Зачем же злится небо?
Я, что плохой на столь?

***

На землю сумерки спустились,
Загрохотал в долине гром,
И тучи в зареве сгустились
Явившись мне вчерашним днем.
Стаи саранчи скрипели,
Запела музыка в ночи,
Ее в тиши услышав трели
Подпели сразу же сверчки.
Над головою где – то птица
Взлетела ввысь и унеслась;
Быть может, – то была синица,
Нельзя наверняка сказать.
Приятный ветер обдувал
Согретую теплом поляну.
Тем временем Абдул зевал.
Уж скоро должен дождь нагрянуть.

***

Воля – как это слово грозно:
Оно полно душевных ласк,
Мне видятся леса и сосны,
Но слышится металла лязг.
Свободу молча представляю

И мысли те покой вселяют…
Я не хочу делиться ими понапрасну,
Иначе попросту в душе угасну…

В тюрьме тянул я руки через клеть,
Чтоб дотянуться до весеннего дождя.
С надеждой я устал наверх смотреть, —
Желая выбраться оттуда навсегда
И в облака нырнуть, закутаться младенцем;
Но вышло так… И то судьба…
За все грехи мне нет там места.
Я одинок, – ну да. На ком вина?
На ком она? На мне, конечно.
И где – то там по – прежнему живет моя надежда!
В одном из сказочных миров,
Не лишена прекрасных снов,
Не знает боли стоны,
Что я познал уже давно
Забыв людей законы.
Преступник сын: итог – клеймо
Нести я буду дальше,
Ступая по осколкам разбившейся удачи.
Но повод помнить о былом нисколько не утрачен!

Я не забыл, я помню всех:
Мои друзья – Шакал и Бес…
Пока не кончен этот век
И не ушел я с этих мест
В сиянии заспанного дня

Вы в моем сердце, братья.
И встреча будет – знаю я:
Свои оденем платья,
Отвергнем наши звания,
Покой желанный обретем
И сбросим все страдания
Казавшиеся страшным сном.
Уйдем туда, где сад цветет.
Его мой ангел стережет.

К чему лишь вспоминать утраты?
Идем вперед ведь мы – солдаты.
Небес хвала всегда манила.
Их светлая рука меня
Из пропасти достать решила.
И светом воскресила дня!
И мое сердце жизнью одарила!

Во гневе я ругался и со страстью,
Язык мой был зубастой пастью,
Он превращался будто бы в змею,
Я сам не знал, что говорю.
И оскорблял родных, друзей.
Мне виделись они толпой чертей.
И все казалось: прав лишь – я,
Простят меня пусть небеса.
Но ум мой был горазд на мысль,
Душа летела словно ввысь,
Когда я знания получал,

И потому наверно все ж
Удавки смерти избежал.
«Ты волей не своей живешь» —
Я слышал часто от людей,
Что помнили меня мальчишкой, —
«Становишься ты все дурней.
Плохого, как бы вот не вышло».
Но я умен не по годам —
И фору всем в познаниях дам.
Ведь ничего советы те
Совсем не трогали во мне.
Я счел себя умнее всех,
Творя лихое без помех:
Воруя, грабя с пылким гневом.
В сознании отнюдь нетрезвом
Творил никчемные дела:
Пьянила кража, как игра.

Однажды слышал я – зовет
Крутого вора – весь народ —
Багдадский вор, степной урод.
Тем прозвищем я очень горд!

***

Меня в подвале задержали,
Когда я ночью видел сны.
Побили сильно и прижали.
Бока отбили от души.

***

Прошу, отсюда забери,
Устал я, мам, совсем без сил.
Вдали, вдали унеси,
Чтобы боль на век забыл,
Ни горести не знал, ни беды,
И не упал бы на пути,
Когда через невзгоды эти
Захочу в покои пройти
Большого замка на краю
Крутой скалы. Я с верой жду,
Исправив грешную судьбу,
Что кары страшной избегу…

***

Печальны отблески заката —
Они влекут благую грусть,
Душа моя тем чувством рада.
Я снова устремляюсь в путь.
Хоть нет щита, да и меча,
И нет доспехов у меня.
Не рыцарь я и без коня
Иду в заветные края
По доброй воле существа,
Что мне являет чудеса, —
Не силой злобной колдовства

Творит оно свои дела;
И святы скажут небеса,
То ангела была рука.
Спроси же их на склоне дня.
В багряных отблесках заката
Летает будто бы душа
Меня неся куда – то.

Так велика моя утрата —
О, мама, милая, родная!
Жизнь печалями объята,
Не смог себя я оправдать.
И чувствами порой играя
В твоих глазах я смог лишь стать
Дурным исчадием, тварью, гадом.
И называют все меня
Абдул безумный вор Багдада!
То не смогу я изменить…
Случилось что… Давным – давно.
Родных прошу меня простить.
Хотя вам верно все равно…
***

Мне яблоко дала старуха
Рукою тощею, как кнут.
Немного улыбнулась сука:
«Держи скитающийся плут…!»

В толпе толкались люди беспощадно,

Бежать пытаясь по своим делам.
Абдул взял плод, а бабка странно
Будто растворилась, как туман.
И сколько не пытался – он не видел
Ее многострадальный тощий стан.
Лишь яблоко в руках осталось
Переливаясь золотом сиять,
Огненно – кроваво малость
Пурпурным цветом красочно блистать.

Абдул перебирался через толпы
Минуя плотные базарные ряды,
В которых целый день торговцы
И менялы дела нечестные и правые вели.
Они задорно зазывали
Взглянуть на дивные товары,
Которые из дальних стран везли
И здесь продать дороже многократно,
Пытаясь сделать прибыль из пыли.
Свернув во мрак кромешный улиц
Увидев по дороге храм – мечеть,
Абдул в испуге встретить там Аллаха
И думая, что может умереть,
Не зная будет ли расплата
За столь коварные поступки,
Он заключил, что лучше надо
Войти в слепые переулки,
Где верный друг его всегда
Укроет от десятков глаз,

Где тьмы законная среда,
Где света угасает власть.
Прохладу встретив, ощутил
Абдул покой среди тени.
Он в одиночестве там был,
Его увидеть не могли.
Вор капюшона край спустил,
Вдыхая сыростью земли.
Во тьме он жил, а не гостил,
В тенях не тлеющей золы.

Сгущались тучи, вечерело.
Закат вот только не вставал…
За горизонтом солнце село,
Загоревал вдали шакал.
Накрапывал тихонько дождик.
Вот путник наш во двор заходит,
Куда не все ступают люди,
И даже мышка не заскочит,
Боясь попасть во мрака путы.
Здесь очень тихо. Тут все пусто.
Трава к земле склонилась в грусти,
Касаясь стеблями листвы,
Пожухшей и давно опавшей
Не чающей тепла весны,
Давно отжившей и угасшей.
В глуши заброшенной беседки
Царил бескрайний мрак глухой,
Иссушенные яблонь ветки

Руки словно под луной
В высь поднимаясь безответно
Молили будто бы душой…
Ограда из стальных прутов
За век изрядно покосилась,
Изъеден ржавчиной узор
И пара звеньев обломилась;
Картины не заметна блажь, —
Она забыта всем народом…
Об этом думал странник наш,
Сливаясь с тьмою балахоном.
Он яблоко достал при лунном свете,
Хотел его умять за два укуса,
Но плод увял в халате смерти,
Налившись уксусного вкуса…
Оно из рук легко упало
И покатилось по земле
Во тьме печального квартала,
Который позабыли все.

***

Я на ночь расстелю постели,
Чтоб сладко погрузиться в сон.
Двор постоялый размыкает двери,
Меня гостиный принимает дом.
Ворота на ночь запирает
Преклонных лет седой хозяин
И сам спокойно засыпает,

На первом этаже под нами.
За окнами луна сияет,
Немного хмурый свет ее
В унылом мире освещает
Уродливое столь лицо.
Где ты, мечта благая?
Я – одинок впотьмах, аду;
Тебя мой разум представляет
В заветном сказочном саду,
Мой Ангел молодой, я жду,
Не покидай молю, прошу,
Давай же, навести меня.
Услышь мольбы. Приди за мной.
Убиты все мои друзья.
В душе осталась только боль.
Явись, чтоб унялась душа
И одиночество не так давило,
Как бесконечная петля,
Что многих очень задушила.
Да навести, молю тебя.
Я долго был вдали от мира.
Но глух мой Ангел… Тишина…
Лишь тишины ответы знаю…
Я вновь один… Иссяк до дна…
Один в постели засыпаю…
И жалко, что не навсегда…

***

Глубокой ночью вор проснулся,
Клубилась тьма во всей красе,
Ее заметив он очнулся…
И чернь затмила свет совсем,

Когда услышал нежный шепот
Идущий с первых этажей.
Абдул узнал дотошный ропот
И вышел в коридор за дверь.
«По лестнице, чужак, иди,
Найди в полу пустоты,
Где будут книжные листы,
Что тьма хранит тут годы.
Весь дом построен на костях» —
Узналась речь старухи…
«Не упокоен мой тут прах»…
На этом смолкли духи.

***

Абдул спустился в пустоту,
В тумана замкнутую тьму,
И никого впотьмах не встретив
Проверил пол он в лунном свете.

Есть проклятое место в доме,
Темнейший угол в дальнем лоне.
Там христиане – наши братья,
Молясь, кропят святой водой,

И прибивают накрепко распятья,
Чтобы отвести несчастья;
Оттуда слышен ночью вой.
И тени сходят четко с мест,
Там демон видится живой.
И в этом страх древнейший есть.
Быть может душу чью – то в лапах
Сжимает мерзкое создание.
Мы умираем в наших страхах…
Ведь это смерти созерцание.

Есть проклятое место в доме,
Там мыши прогрызают норы;
И оставляя беззакония
Свои показывают морды.

Найдя заветные пустоты,
Гнилые доски в раз сломал,
Абдул взглянул во тьмы красоты
И голос нежный вновь сказал:
«Они тебя давно тут ждут,
Согретые моим дыханием,
Здесь книги древней был приют…
Что заключала смерти знания…»
Блажа старуха говорила
Так зачарованно ехидно.
Но а потом ушла из мира…
И тьмы клубов не стало видно…

Глава 2. Воспоминания

«Убей его, Абдул, убей!
Он -стая крыс! Он – дикий зверь!»
Ко мне взывала детвора,
Когда лежал я у холма.
И была – то не как игра
Они рыдали без конца.
«Убей его, Абдул, убей!
И силы даже не жалей!
Он как медведь! Он словно змей!»
Испуг и страх объял детей.
Не мешкал вовсе я тогда —
На что даны Аллахом руки?
Я не жалею кулака
И дрался часто я от скуки.
За детворой рванул в село,
Был ясный день. Светило жгло,
Оно с утра еще пекло
И разум мой в дурман несло.
Деревня старая моя,
Не помню я уж те места,
Но закоулок полный крови
Во сне увижу без труда.
Вот растворяются оковы,
Снова я вхожу туда:

Одежды рваные края
На брате умершем сестра, —
Быть может лет пяти – шести, —
Его безумно теребит.
Я силы смог в себе найти
Сделав очень злобный вид
Спросил ее кто сделал – то,
Кто совершил все это зло?
Но отвечали дети мне, —
Их крик избавил в миг от грез, —
Я не был более во сне:
«Его загрыз бродячий пес!»
Не видел более черней
Картины той, ты мне поверь!
Искусан голый мальчуган —
Не виделось его лицо,
А кровь багряную из ран
Уже на солнце запекло.
На холм обратно я пошел,
Чтоб там оружие достать,
Которое я приобрел,
И в тайную запрятал кладь:
То малый был стальной топор…

***

Дворы мелькали, переулки,
Пустые улицы одни…
Не думал в той своей прогулке

Такие страхи обрести, —
Но жизнь сравнима лишь с игрой:
Не знаешь будет дальше что —
Закончишь ли победой бой
Иль проиграешь к черту все.
Мохнатый пес из – за угла
Ко мне навстречу устремился…
Взъерошен, с пеною у рта…
И в двух шагах остановился.
Вблизи нашел я камень там
Он так пришелся кстати мне!
Я разглядел у псины шрам,
Что был у рта в густой слюне:
Он зубы только обнажив
Иссиня – желтые в ухмылке, —
И все на свете я забыв
В руке напряг тугие жилки,
И камень пальцами зажав
Момента ждал, как змей – удав.
В его глазах блестела кровь —
Напрягся весь угрюмый пес,
Задергалась нервозно бровь;
Он первый свой удар нанес.
«Ты – одичалая собака;
Ты, глупый пес, сигаешь в бой,
Хотя заведомо та драка
Уже проиграна тобой».
Но зверь визжал,
Является силу,

Хотел испугом верх держать,
Но было мало что – то пылу:
Усталый пес не мог рычать.
Он ощетинился немного,
Нахмурил острые глаза
И прыгнув резво, невысоко
За край вцепился рукава.
Удар! Удар! Еще удар!
И кровь багряная из ран,
Удушливый дарила пар,
Мой окропила тощий стан;
Рыдая, дети вдалеке,
Ревели так, что дух горел,
Я был, как будто бы в огне,
Безумия приняв удел.
Удар! Удар! Еще удар!
Упали зубы, вытек глаз
У псины той. Но не упал, —
Ведь битый был не первый раз.
Однако, все Абдул предрек:
Недолог смерти час и срок
Презренных мук глухих истек.
Затих из пасти крови ток.
Унылый бес лежал в грязи
Не изнывая, не рыдая,
Не испустив скупой слезы,
Когда прилег он умирая.
«Ты просто падаль, дикий пес,
И знай свое ты место, сука» —

Над трупом я уж произнес,
Прислушиваясь к трелям луга.

Не плачь сестра, не будет он —
Твой кровный брат, – тебя любить,
И петь не станет в унисон,
И чувство нежности дарить.
Не надо горевать, родная,
Не оживишь его трудом
И от бессилия изнывая
Сама получишь ты надлом.
Я знал его – он милым был,
Такая горькая стезя
Ему досталась от светил
И обойти ее нельзя,
Она в крови мерцает вся,
Соленый запах источая,
Но душу все – таки неся
Ведет до врат золотого рая.
И тлен становится, как раз
На тех бесчисленных лугах,
Что слепят множеством прикрас, —
Белесым облаком в лучах.
И трепетно сиянье то,
И словно блик росы летит
Надо той поляною цветов
Пречистым облаком на вид.
Тугая нить судьбы устав
Разорвалась на два конца

И смерти серединой став
Жизнь убогого мальца
Туда несет сейчас в волне.
И грезит братец твой во сне!
Так что не нужно слезы лить,
Моя унылая сестра,
Ведь ты осталась в мире жить
И не печалься что одна…

Твой крик, как гимны неудач,
Так если хочешь, то поплачь…

***

И образ тот собаки злой
Навек желание пленил,
Хотя засыпал и землей,
Где жизни миг на днище гнил.
Но не унял свою вражду,
Не погасил огонь войны,
Народу я отмщения жду,
Ведь люди мерзкий и дурны.

***

На грани бреда видя сон
Я презираю мир земной,
Его причуд – хмельной закон,
Его картавый рот гнилой,

Его надменное лукавство,
Что представляется игрой…

Порок безмерный, блуд и хамство…
Я презираю без конца.

Веков прошедших канитель,
Порог домашнего крыльца,
Убогую свою постель!
Как долог путь, но до рассвета
Забуду я наверняка
Порывы колющего бреда
И все прошедшие века;
Передо мною же былое
И настоящее соврут,
Как полотно цветов рябое,
Которое чертята ткут.
И окунут меня туда,
Где нету совести уже,
А только грязная вода
Струей стекает по меже.
Да не томи же, друг полночный,
Мои желания войны!
Ведь призван я и призван срочно!
Слова мои поверь – честны!
Я – одинок, и не хочу
Опять один по жизни быть.
Устал уже! Да, я грущу
И песню эту не забыть,

Не утаить, не погасить
И пламя горя не унять, —

Безмерно растянулась нить,
Решился кто б ее порвать…
И вот тогда бы я обрел
Забытый некогда покой,
Что мальчуган – драчун, позер,
Который был конечно мной, —
Хранил заветно без конца
Его любя и чтя смирение,
Продал с намерением купца
И гордое принял презрение.
В опалу дикую попал,
Упал на дно и неизвестно,
Когда навеки потерял
Наполненное светом место
И создал новый идеал…

Вставай, проклятье шепчут зори…
Вставай же, дух, вставай, шакал!
Сломались все уже запоры.
Замок упал, что дверь держал!
Отныне волен ты, гуляй,
Но бесконечности клянись
Не покидать родимых стай,
Не покидать уже ни в жизнь.

***

Я помню детвору.
Веселый двор села,
Как нежна по утру
Хмельная блажь была.
Я помню дома тень
Приютившую меня.
И день, веселый день
Печали все тесня,
Желающий помочь,
Разум осветить
Сном зеленых рощ,
Дуновением быть…
То уже уходит,
Небо, о, помилуй!
Солнышко заходит,
Луч не дарит миру.
Гонит тучи, гонит
Резвый ветерок
И скрипит, и стонет
Совестный пророк,
Словом увещает,
Что минует боль,
Раб всесильным станет
Крепкий, если коль.
Дух его воспрянет,
Спину не согнет…
Или дно познает
У песчаных вод.

Я забыл о прошлом,
Все уже забыл,
О презренном, пошлом,
Тем, каким я был.
Не гадаю больше:
Жить или не жить.
В полумраке ночи
Вынужден я гнить.

Глава 3. Дитя

Он очнулся горе – видя:
На обугленных телах,
На угасшей жизни прыти,
На кострах и на костях;
Как успел, увы не знает,
Избежать судьбы такой:
И не мертвый понимает,
Что остался он живой.
Но печаль – не есть награда
Нужно дальше продолжать
Через дальний путь заката
Устали не зная гнать
И нести на пиках чести
Душу резвую свою,
Воздавая, не без лести,
Небосводу похвалу.

***

Братья вы, о, неживые,
Помяните этот миг,
Как один из тех, что были
Будто солнца ясный блик.

Взял Абдул накидку где – то
Обгоревшую и в саже —
Все равно не станет это
Мне вменяться больше кражей.
Все забыто, все убито
За спиною позади,
Темной мантией накрыто
И утрачено в пути.
Я теперь не вор Багдада, —
Ангелочек мне помог,
Запретив пучине ада
Дух забрать в ужасный лог.
Я очищен, я спокоен,
И от ночи отлучен.
Телом я не упокоен,
Что теперь мне вечный сон?!
Угли таяли краснея,
Поднимался яркий дым,
Ветерок печально вея
Слился с облаком густым.
Роща высится на горке:
Все – травинки да кусты,
Что иссушены и колки
И страдают без воды.

Весь Багдад – ужасный рок,
Тьма к нему ведет дорог.
Хочешь ты или не хочет,
Но пройди его, сынок!

***

Запахнувшись и покрепче
Прижимая руки к телу,
Вор, забыв молитвы речи,
Потерял былую веру.
Где она, о, где она —
Неземная красота?
Та далекая страна,
Где судьбы моей врата?
Где зарею небо пишет
Удивительно узоры,
Синева тихонько дышит
Взор бросая через горы
На луга и на поля,
Бесконечные долины,
Где красуется земля
Всею зеленью равнины,
Где цветы и соловьи —
Вечные друзья рассвета, —
Танцы пестрые свои
Совершают в зное лета.
Где покой и нет тоски,
Где кузнечики звенят;
Множа грозные полки
Тучи вечером летят.

***

Он идет по горькой жиже
Ноги плавают в грязи,
Все теснее… Ближе, ближе
Сонный путник до красы
Добирается Багдада,
Чуя мрачную тревогу:
Перед зноем будто ада
Он стоит, отдавшись року.
Заподозрят ли его,
Что сбежавший – он преступник
Или купятся легко,
Что уставший мирный путник?
И Абдул от мыслей тех
Опустивши капюшон
Побежал и без помех
Хлипкий одолел заслон
Да преграду, что к Багдаду
Заслоняла брешь – проход,
Выводивший сразу к саду
Не ходил, где уж народ.
«Я убить поклялся многих —
Я их право и убью!
Все уже давно жестоки:
Стал народ под стать зверью —
Нету помощи делами,
Нету даже на словах —
И с такими – то долгами
Их прощает все ж Аллах.
Но всевидящее небо

Не капризно и не слепо, —
За грехи осудит вас:
Будет день и грянет час —
Принесет, шагами меря
Громогласные потери,
На себе и на горбе
Ишака – степи ублюдка,
По извилистой тропе.
Станет судьбам вашим жутко.»
Через ветви и кустарник
Пробирался наглый вор,
Он когда – то был «начальник»
Этих давящих простор.
Тут его деньки хмельные
Проносились в суете,
Да и горести больные
Тоже в этой шли среде.
Непокорный он когда – то
Наблюдал за блудом тут,
Как в чащобу для разврата
Люди разные идут.
Ненавидел вор богатых,
Не любил и презирал,
Ведь за спинами у знатных
Припасен большой кинжал.
Это помнил он и чтил,
Как обычай воровской.
С этой горечью он жил
И таскал ее с собой.

Утомленный той дорогой,
Что вела от места гнили
До дыры в стене высокой,
Вор глотнул немало пыли.
Забинтованный калека
Приодевшись, но босой,
Стал похож на человека,
Хоть и был слегка хромой.
Он отчаянно пытался
Добрести за тот денек
До ночлега, но остался,
Где – то в зарослях прилег.
Как гудели ноги больно!
Как ломало сильно руку!
Вор – кошмары беспокойно
Наблюдал во сне. Испугу
Дух его предался снова.
И Абдул во тьме листвы
Грезил: будто бы оковы
Тело тянут до крови,
Надрывая и пугая
Той реальностью – другой,
Что иссякнет кровь густая,
Ставшая рябой слюдой.

Унесенный серой дымкой,
Видел вор окно темницы,
Три решетки, люк железный,

Стен чернеющих границы,
То сжимающих просторы,
То дающих волю им.
А от стонущей запоры —
Шум летел не выносим.
И метался, и пугался
Будто псина на цепи,
Вор багдадский утомлялся,
Чая муки впереди.
Но не знал и не заметил,
Что во сне былые дни
Проносились… Только бредил
Вор поджав свои ступни…
Цепи лязгая летели,
Разнося на щебень стены
И ревели, что – то пели
В уголках темницы тени.
Сон ли это, сон ли вовсе?
Все колотится, дрожит,
Говоря – давай, готовься,
К жизни след уже забыт.

Рано утро наступает,
Поднимаются лучи,
В зареве они играют
Освещая лик ночи.
Мира здешние красоты —
Пустоши услада лишь,
Неподвластные высоты

Зря ненужными ты мнишь.
Те смиряют угнетение,
Привлекая яркий свет,
Он, как будто озарение
Затмевает хвост комет.
То небесное сиянье
Растекается рекой,
И, как будто состраданье
Нависает над землей.

***

Ласково сиянье блещет,
Яркие его лучи
Ожидают с миром встречи
Ненавидя дрем ночи.

Я лежал не поднимаясь,
Любовался синевой,
Что высоко растекаясь
Светлой, чистою волной,
Облака с собой носила,
Белоснежные холмы.
Как же это чудно было,
Словно я увидел сны.
А затем сиянье солнца
Озарило зрение мне

И услышав незнакомца

За оградой на коне,
Я очнулся и метнулся
Не обдумав резвый шаг…
Окончательно проснулся,
Понял, что к чему, да как…

***

Где юности пропавшей огонек?
Куда ушел он, где теперь?
Его унес времен поток,
Туда, где жизнь презрела смерть,
Где тихой поступью идет
Судьба холодным ручейком.
Где суета несчастных дней
Искру затушит и зальет,
Что ветер в мысли занесет.
Тебе не вспомнится о ней…
О юности забытых лет.
Холодная вода ручья
На смерть былое обрекает.
Поэтому, мои друзья,
Я детство в мыслях сохраняю.

Но, где же юности погасший огонек?
Куда в ветрах он улетел?
И в памяти остался только уголек,
Который я дыханием согрел,
И, от забвения все ж не уберег…

Разжечь в сознании снова не сумел.
Печально это, но скажи:
Что свято для твоей души?
Любовь, богатство, пьянство, честь,
Стремление к славе… Ну, ответь.
Что ценно для тебя, что мило?
Что дарит пламени огарка силу?
Ты не ответишь… Правда ведь?..
Продолжишь на меня смотреть…

Глава 4. Багдад

Опять я тут… Опять Багдад…
Со множеством пустых дворов.
Чинил он много мне преград
Еще до давящих оков.
Сияние солнца в ясный день
В сознании моем держало
Какую – то чумную трель,
Кусавшую нервишки жалом.
Мне опротивел этот дом
И нету хуже тех причуд,
Что вечности родной закон,
Безбожного шайтана труд.
А люди здешние глупы —
Султана чтя Коран забыли,
Ведь хуже нет уж судьбы:
Глотать клубы подножной пыли,
Идущей вверх из – под копыт
Задохшейся усталой клячи,
И был бы труп ее зарыт,
На получается иначе.
Мы плачем, лошадь, по тебе!
Но дело правое верней:
Не погребем тебя в земле…
Ты много принесешь смертей.

А люди верят, как же быть?
Ты благородна и чиста!

Нельзя тебя вот так забыть
Без силы воли и труда.
Глупа толпа и безутешна,
Страдает очень, но молчит.
Но вдруг один найдется грешный
И прозовут его бандит,
За то, что он презрел устои,
Бои кровавые ведя.
И терпит муки тяжкой боли-
Ведь то его уже судьба!

Лавочки вот тут, торговцы,
Так лукавы и скупы,
Но на вид, как будто овцы —
Все повадки их глупы;
Дело только лишь пустили —
Одурманили народ…
И, обманывая жили,
Без проблем и без хлопот.
Тут прилавки в изобилие
Под навесами теснятся,
Надо приложить усилия,
Чтоб через толпу прорваться.
Дом богатый торгаша
Прохожу с укором глядя,
Легким шагом, не спеша.

Вот они: «большие братья»,
И богаты, и чисты,
Не голодны и одеты
Ярче золотой звезды,
Небо праведного дети.
Бесконечно я шатался
По Багдаду, но пришел
В садик малый и остался,
Успокоив томный взор.

Голубка- маленький скиталец
По площади один бродил,
То на колонны забирался,
По краешку совсем ходил,
То у фонтанчика топтался,
Водичку ключевую пил,
Под кроны листьев забирался;
Забавный очень голубь был.
Толпа детей не замечая
Голубки маленького шла,
Куда – то мимо, в арки улиц,
Где ждали их свои дела;
Фонтан, разбрызгивая воду,
Соленый привкус привносил
В сухого дня застойный воздух
Да площадь невзначай кропил.
Под яблоней, укутав в рясе
Измученное тело спал
Наш спутник, все отбросив страсти,

Во снах давно уже летал.
Он от дороги отдыхал
В траве густой найдя приют,
Собой доволен, счастью рад,
Что не отыщут его тут,
И никогда и ни за что
Вовек в Багдаде не найдут…
И не узнает в нем лицо,
Что было предано суду.
Голубка, рядом проходя,
На ветку яблони взлетел,
Устав гулять в округе зря
Без надобности и без дел.
Упало перышко с него,
Коснувшись пальцев на руке
И вор оставил тут же сон
Встревоженный в своей душе.

Манили запахи весны,
Душистых зарослей акаций,
Сияния света от воды
Мерцанием ярких звезд казались.
Безлюдна площадь в будний день,
Шагов людей почти не слышно,
Толпа растаяла детей,
Ушли они куда – то быстро.
И ветерок убавил силу
Теплом наполнившись сполна,
Наш спутник выйдя на равнину,

Почуял, как цветет весна.
Ромашек он увидел луг,
Бескрайние травы поля.
Синица радовала слух
Мелодию свою треща.
Казалось пение ее
Намного лучше соловья.
Вся эта милая картина
Недалеко от стен была,
Лишь за ворота путник вышел
Она впилась в его глаза.
Багдад казался крепким замком,
Смотрящим грозно за людьми,
За племенем их бренным, жалким,
Держа ворота взаперти;
Скиталец обернулся: «Как?!
Как может человек тут жить?!
Я был в тюрьме и все же знаю,
Как душу станет здесь душить
Немая боль от этих зданий,
Поработив любую прыть,
Лишь сделать что – то попытайся —
Тебя заставят смирным быть…
Не люди даже, изваяния…
Не видеть бы их, да забыть…
Не в этой жизни, так в другой…
Вернусь я лучше уж домой.»
Багдадский вор спустился с тропки,
Перешагнув косой ручей;

Все звуки разом тут же смолкли,
Растаяла синицы трель.
«От дома я не далеко,
Недолго мне идти осталось.
Еще немного, я смогу
Преодолеть в себе усталость.
Родные братья, папа, мама,
Мы вместе скоро сможем быть,
Я возвращаюсь, обещая
Корана строки свято чтить.
Молю, душою заклинаю!
Не отвергайте вы меня!»
И подходя к родному краю
Иссякли путника слова.
Он резво выскочил на Горку,
Затем на миг чуть оробел.
Знакомую увидел тропку,
В сомненьях мучаясь смотрел.
«А стоит ли домой вернуться,
Ведь столько лет уже прошло?» —
Рукою он щеки коснулся-
«Узнать лицо не так легко…
Во шрамах все оно, избито,
Бинтами перемотан нос…
И тело язвами покрыто,
Воняет скверно, как навоз.
Я не бунтарь теперь, не вор,
Не забияка, не задира.
Так почему же все ж во двор

Ступить мешает чья – то сила?»

Лишь к вечеру, когда смеркалось,
Ушло сомнение казалось.
Вчерашний узник по дороге
Пошел, исполненный тревоги
Через дома того села,
Где юность вся его прошла.
но вот не знаю, почему
Никто не встретился ему.

Не вошедшее. Багдад. Месть.

«Эй, смотри кто там идет!
Это бывший страж ворот!
Он нору мою стерег
На протяжении долгих лет!»
Вор багдадский уж без сил
Тихим голосом гласил.
«Вот судьба, мне повезло!
И сейчас я отыграюсь,
За его лихое зло».
Шепот шел. Вокруг смеркалось.
Ну а ворон лишь молчал,
Бездумно глядя в землю.
Он Абдуле совет не дал,
Отдав дела течению…
А день меж тем угас совсем,
Уж вечера заря восстала,

На фоне зарева у стен
Лишь мошкара одна летала.
Жар, поднимаясь над землей
Заката блики искажал.
Казалось будто бы огнем
Весь мирный город полыхал.
Трава дрожала под ветрами
Устало редкими кустами,
Виднелись мотыльки уже
У башен стражи над кострами.
Умолкли трели саранчи;
Затих торговцев местных гомон,
И более не шли торги,
Рабочий день для них окончен.
У окружных домов из окон
Незапертых пока ставнями,
Летел наружу свет свечей
И яркой масляной лампады.
Светило больше все скрывалось
За черноту полей клонясь.
Вот ночь совсем почти настала.
И тень ее уж поднялась,
Хоть времени казалось мало.

Багдадский вор по следу шел,
Желая злыдня в час поймать.
Он осторожно следом брел
Вослед ему стремясь шагать.
Мелькали улицы, дворы,

Сменяться местность быстро стала.
Но от людских коварных глаз
Уйти пока не получалось.
То тут, то там, вблизи, вдали,
Размытые мелькали лица.
Нельзя сказать кто там стоит:
Торговец ли, солдат, убийца…
Возможно то – ночной патруль,
А может лишь простые люди
Ходили в темной черноте
Шатаясь тут по всей округе.

«В Багдаде тихо, спите все!»
Галдел дозорный-часовой.
Подобны те слова грозе
Повсюду двигались за мной.

«Густая борода да шрам под глазом!» —
У стража на лице предстали во бреду.
Когда был узником Абдул
В сыром мучительном аду
Он – то клеймо запомнил точно
«Сейчас порву тебя на клочья.
Хоть ангелу поклялся я исправиться душой
Но разум помнит сильных рук ухват.
Сегодня ты умрешь и этому я рад.
Тогда ты был надзорным стражем
И состоял в отряде ратном даже
С мечом и плеткой щеголял

Виновных бил и истязал.
Теперь же старым вовсе стал.
Сейчас уж глядя без труда
Ты схожий более с собакой,
Выгнанной вон со двора!..
Вот в жизни иногда случится:
Выходит на свободу,
Кто был в сырой темнице,
А тот, кто руку набивал на грешных,
Сейчас и званий не достоин прежних.

«Я змей. Я волк. Я – смерть твоя.
И говорю – то не тая.
Но ангел мне дает подарок
И для меня он очень сладок!
Ведь боль щемит еще в душе,
Царапаются кошки тяжко,
Скребутся лапами извне,
И завывают томно и протяжно.»
Трущобы вмиг дома сменили.
В округе тихо стало.
И вот мы в темноту ступили:
Во страхе сердце мигом сжало.

***

Усталый старый воин
Был весьма спокоен
Войдя в свои покои,

Казалось всем доволен.
Входную дверь закрыв
Ведущую во двор.
Зажег свечу он на окне
И сел поесть за стол.

«Хоть скуден пир для живота
В темницу ты не брошен…
И знаешь верно неспроста,
Что я терпеть был должен.
Лишения какие мне выпали на долю…
Поешь и спать ложись-ка, мразь, —
Я все тебе припомню»…
За домом у окна таясь
Багдадский вор момента ждал,
Когда бы выгодней напасть.
И просидел так где – то с час.
В безлюдье виделись огни,
Казалось бесы и прыгать стали.
Беззвучно двигались они
И стену пыли поднимали;
Но то лишь чудилось глазам,
Любившим солнца свет дневной.
Взгляд к ночи мерно привыкал,
Мирясь со здешней тьмой густой.

Тянулось время, отмеряя
Последние шаги до жизни края,
Того кто был уже не воин,

А лишь старик в годах преклонных.
Но тем не менее когда – то
Он заключенных унижал,
Им нанося кнутом удары,
Безумный страх в сердца вселял.
Прошло с тех пор уж много лет.
Сказать точнее не могу
Уверенности нет…

Свеча погасла, гомон стих.
И зашагал в постель старик.
Мгновение еще прошло,
И вот уже в кровати спит.
Абдул достал кинжал кривой,
Проверил лезвие рукой,
Провел легко по стали вдоль
Порезав грубую ладонь.
Стук сердца в голове звучал,
А тьма ночи сознание поглотила.
Возник по всюду красный пар.
Проникла в голову дурная сила.
И, овладев душою зло,
К убийству разум унесло.

«Я ждал с тобою встречи долго…
Наверно даже век прошел,
Пока искал тебя я – волка
И вот ведь все – таки нашел.
Пришел желанный час расплаты;

Я отомщу! И месть моя
В душе огнем сияет злата
И злости нету той конца…
Ты будешь мертв, иль мир уж треснет,
Густая кровь прольется ниц,
И чувствами меня согреет-
В череде угрюмых лиц…»
Входную дверь ножом открыв,
Да так чтобы старик не слышал,
Абдул с намерением вошел:
Момента казни все же выждал…
Прокравшись мерными шагами,
Касаясь голыми ступнями
Жилища пола из песка,
Он разглядел в постелях ткани
Лежащую фигуру старика.
В руках невольно задрожал
Сжимаемый хваткою кинжал.
Но тут нарушился покой,
Пронзенный вражеской рукой
Упал убийца стол сломав
И распростершись на полу
Глаза закрыл и так лежал.
Старик всего лишь вел игру,
Про слежку за собой он знал.

Не обнаружив денежный подарок
В одежде мертвого скитальца,
Старик поднял свечи огарок

С надеждою ее разжечь,
Но не хотело – то даваться, —
В руках, запачканных в крови
Скользили сильно пальцы,
А может трения слабы
В попытке свет дождаться…
Истерся кремний может быть
От давности прошедших лет,
Иль стала темнота гасить
Искры рождающейся свет.

Седой служака у окна
В сиянии луны стоял
Присев над телом мертвеца
По – старчески совсем дышал;
Он разглядел во тьме лицо
Во шрамах, язве и проказе,
Но ничего не произнес
Платком накрыл его лишь сразу.

Где же я? Мне так легко!
В какой – то вязкой черноте
Мой дух не мертвый пребывает.
Мой ангел, вспомни о слуге,
К тебе я одному взываю!
Прошу единым вместе стать
И избежать большой потери,
Я не хочу один опять,
Чего – то ждать не знает цели…

Как будто бьется что – то там…
В покровах страшных мрачной тьмы…
То чувствую. Не зная сам,
Какие дальше будут сны.
Да не томи! Давай в огонь!
Чтоб черти бегали вокруг!
Повсюду грязь была и вонь
И множество кровавых мук!
И заносился трупных рой
Отведать ждавший тело мух!
Но почему то подо мной
Возникло много очень рук!
Гони мой дух из чрева в ад —
Как надоело крысой жить,
Несчастным телом ощущать
И страх, и боль, и их давить…
Хоть что – нибудь давай уже…
Не надо здесь меня держать.

Вот некто в темноте сказал
Приказ отдав: «Давай вставай!»
Вся покраснела тьма вокруг
И стал сильнее сердца стук;
«Вставай приказываю я!
Погибнуть – не твоя судьба!»
Мой ангел, ты тут рядом?
Абдул сказал ему в ответ —
«Долги мои не есть награда

Им прощения в мире нет.
Но если их отпустишь ты,
Тогда служить тебе продолжу,
Ведь все долги глазам видны.
Да облегчи мою ты ношу!
И дух верни… Избавь от мук…
Десятки, сотни странных рук
Схватили тысячами пальцев,
Сдавив железной хваткой пут
И потащили вдаль скитальца.
Тянули будто по земле
Не мертвый дух увядшей плоти.
Но все казалось, как во сне…
Горело чувство ярой злости.
Вершины сосен в сером свете
Не ярко освещал туман,
Идущий в угнетенном месте
Из выкопанных кем – то ям,
Наполненных водой до края.
Кора деревьев замерзая
Местами кое – где трещала
О чем – то будто умоляя.
Скрипели мощные стволы
От холода туманной тьмы.

Несло все дальше вора душу…
Увидел он в гробу себя.
В седую превратившись тучу
Над ним ударила гроза,

И свет вокруг все осветил.
И вдруг Абдул глаза открыл!…

Рука крепка, удар велик,
И заостренный нож ложиться
На тело мягкое. Старик
Не станет более молиться,
Не станет более дышать
И жизнью отравлять округу.
А дальше что? Бежать, бежать.
Покинуть главное – лачугу!
Как жаль, но жизнь не удалась.
Нельзя начать свой путь сначала.
Сидел Абдул во тьме склонясь.
Об этом сожаления мало.
И даже небесам печально.
Они глядят гнетущей тьмой
Безглазой яростью слепой
С укором едким на живых,
Мечтая наказать всех их
За все содеянное ими,
За все грехи, за все долги,
За то, что в гневе совершили
Дела дурные для души.

Глава 5. Родное село

Свет из окна родного дома
Напомнит о прошедших днях,
О юности, давно знакомой
Вернется память мне в псалмах,
Веселых песнях детворы
Играющей в дворе соседнем;
И в треске ранней саранчи,
И в шорохе листвы деревьев…
В закате летнем, душном зное…
Души немыслимом покое…
В белесых солнечных лучах,
Играющих в морских волнах.
Прелестных бабочек красивых
Мой взор заметит и порывы
Души задавленной стенами
Нарушит все мирские планы.
Я вновь бегу, как молодой,
Не зная устали большой.
В траве мелькают только ноги
Росой холодною искрясь.
«Я на свободе! Знаете, боги!
Святых я восхваляю вас!»
Кричал слова те вновь и вновь,
Ведь жизнь моя чего то значит,

Кипела в жилах моих кровь.
Я обезумел от удачи!
Вот снова здесь: привет скажу, —
Местам оставленным давно.
Но нет друзей, как не гляжу
В селе забытом, как на зло.
Мой дом… Вот он… Даю поклон…
О, боги, как волнуюсь я!
Быть может все же это сон?
Кружиться сильно голова.
И у двери родного дома
Стою теперь в сердцах робея,
Но страхи в мыслях пересилю
И отопру тугие двери.
Внутри старик впотьмах один
В кровати лежа видит сны.
«Ты ли это, гордый сын?
Заходи и дверь закрой…
Заходи, мое дитя, —
Холод вьется за тобой
Дверь хотя и заперта.
Расскажи, что после стало
За стенами пребольшими,
Верно тело так стенало,
От того, что сильно били?
Кровью может истекало?…»
«Для чего зубами злыми
Рвете в клочья душу мне?
Я страдал и муки были:

Били сильно в той тюрьме».
«Ты никчемный младший сын…
И в кого такое буйство?
На тебе сомкнулся клин —
Принял ты воров искусство…
Ты ничтожество, дитя,
Сколько б не жил ты на свете —
Лучше будет без тебя…» —
«Я неплох, уж мне поверьте.
Ангел мне приснился в ночь
И отвел оковы смерти.
Хоть давили плоть силки
И сжимало горло тяжко,
Знал я наперед – долги
Все простятся мне однажды.
Погляди, – какая ряса
И красива, и чиста,
И как раз по мне пришлася,
В знак подарена была
Обещания Вечной клятвы,
Заключенной мной тогда:
В дни благие, что так святы
С той поры уж для меня.
Я до солнца полетел,
Сбросив цепи, устремился
К далям бесконечных тел
И они открыли лица
Да бы я на них глядел
и от скверны отдалился».

Но отец лежал не глядя
И как будто бы не слыша
«Байки все, одна баллада,
Занята тобою ниша,
Что к подножью уходит
Пропасти бездонной ямы.
На тебе и так видны
Все преступные изъяны:
Раны синяки и шрамы…
Нанесенные удары…
Видел я тебя во сне —
Ты лежал на дне канавы
В мертвом свете при луне.
Рядом колосились травы,
Море золотое ржи —
Уходило в даль к обрыву,
А в тиши лесной глуши
Равный властному призыву
Ветер тоненький стонал,
Будто бы шамана голос;
И в густой листве шуршал
Необычный черной полоз.
Он добычу не искал, —
Устремлялся к мертвечине,
В место то, где ты лежал
По какой – то знать причине…»
И отец на том умолк
Прекратив бредовый толк.
Выл протяжно, где – то волк —

Был на то наверно повод,
А скорее всего голод…

Небо затянули тучи
Едким дымом серой мглы,
Протянувшись словно кручи
Догоревшей в пыль зори.
«Ах, отец, на мне вина…
Даже может не одна.
Грешен… Грешен только я!
Такова моя судьба!…
Но скажи и не томи…
На мольбы прошу ответь:
Мама ждет меня и впредь?
Где, родная? Где же ты?» —
«Не кричи и не зови
Нету боли ее…
Умерла она давно —
Расплатившись по крови
За безумие твое…» —
Замерло буквально все
В теле тощем Абдуллы.
Били строки этих фраз
Круче острия стрелы. —
«И к могиле, ты сейчас,
Если хочешь, то пройди.
Там лежит она, за домом.
Выйдя двери притвори.»
Под глухим ночи покровом

Плохо виделась тропа
И могилу отыскать
Смог Абдул не без труда.
Вор Багдадский сталь роптать…
И над нею он склонился,
Слезы только не пролил,
А протяжно лишь молился
Да страдая в муках выл.
«Больше ты не сможешь плакать,
Не старайся, все за зря»
Ворон начал песню каркать
Перья крыльев теребя —
«И за смерть не кайся ты —
Мать мертва уже твоя» —
«Знаю это! Понял я!
Да к куда же мне идти,
Если должен с этих пор
Жить по правому пути:
Если я уже не вор?
Дураку мне объясни!»

Ждал с надеждою Абдул
Уголечек в сердце грея, —
Ветер лишь слегка задул
Выдавая свисты – трели.
«Ты пойдешь к арабам в степь,
Собирать страницы книги»
Ворон кротко начал петь
«Чтоб мы знания сохранили!

Видел я и знаю все:
Что в селе произошло,
Мать твоя Аллаха чтила,
О тебе всегда молила;
И на мессы каждый день
В скромную мечеть ходила.
Я не знал, чтоб так когда – то
За ребенка мать молила.
Но несносное дитя
Сердцу почему – то мило,
Так бывает не всегда» —
Птица важно говорила —
«А твоя, видать, из тех,
Кто заветы чтет святые,
Принимая тяжкий грех,
Как и все ее родные.
Делит муки, горе, боль
Между ими и собой;
И какой бы ни была
Веры женщина, она
Любит сердцем и душой, —
От тебя того не скрою, —
Равно каждого ребенка
Словно робкая девчонка
Бережет, хранит, лелеет,
Искорку дыханием греет.
Бестолковое дитя
Не отпустит от себя,
Ведь оно душе милее…

Да какая б ни была
Женщина, старуха та!
И каким бы не был сын:
Праведник или бандит-
Мать всегда его хранит,
Мать всегда за ним следит,
Чтобы был одет и сыт;
Нету боли той страшней:
Смерть взирать своих детей!
Это помни. И всегда
Мать люби и чти отца,
Даже если много зла
Ссора ваша принесла.
И смотри в глаза, не бойся,
Прикоснись к родной душе,
Да при том и сам откройся,
Ведь вы вместе по судьбе.
Не глотай все без остатка,
А родителям оставь,
Если ту еду не жалко.
Знаешь сам ты эту явь.
Братья вышли в свет твои-
Даже впредь не вспоминай:
В край ушли другой они,
Чая там небесный рай.
Фу… Не думай ты о них-
Не страдай напрасно зря:
Мать твоя из четверых
Обожала лишь тебя!»

***

«Где она, куда ушла?
Или может быть земля
Поглотила навсегда
Плоть ее… Ответь же! да?
Ангел, протяни мне кисть,
Помоги рабу, прошу…
То не может правдой быть!»
Стало все подобно сну;
Закрутились, завертелись
Миражи усталой ночи,
Ветер загудел сильнее
В зарослях дремучей рощи.
«Должен ты делами дать
Духу матери дышать.
Воскресить ее из мертвых,
Чтоб могла живою стать.
В силах ангела благого
Из земли ее поднять.
Помяни мое слово.
Хватит уж сидеть, рыдать!
Поднимись в дорогу снова,
В тьму ночи и в путь опять!
Собирать страницы станешь,
Где туман кровавый встанет,
Там найдутся души тех,
Кто на верный путь наставит;

Поведу тебя я той, —
Не дорогой, но тропой,
По лесам, пустыням, лугам.
Весь к твоим я, брат, услугам.»

***

В предрассветном уж багрянца
Путник вспомнил об отце,
О забытом всеми старце,
Что лежал один в избе.
Дверь открыл, ступив тихонько,
Он во тьме у столика,
Где стояла только койка,
Нашел Абдул покойника.
И, толкнул его легонько,
Мертвого теперь отца.
Засучивши рукава
Без особого труда
Враз закрыл его глаза.
Но нечистое тут дело
Приключилась сразу вдруг:
Распахнулось деда веко
Не внимая силе рук.
Странник было стал опять
Пальцем веко закрывать,
Но проклятый старый глаз
Распахнулся в тот же раз.
И тогда почтенный сын

Воска от свечи налил
И закапал парафин
Глаз стеклянный ослепил. —
«Не смотри с немым упреком —
Боли мне не причинишь,
Вырос я давно, признаюсь,
И теперь уж не малыш.
Что ты дышишь, что не дышишь-
Разницы особой нет.
Мать лишь взор мой кротко ищет, —
Я ушел… Давай, привет!»

И уйдя Абдул косился.
Оборачиваясь часто,
На забытый отчий дом
И вздыхая лишь напрасно
По ушедшим детства дням
Заключил он: «Значит ясно,
Воскрешу тебя я, мам…»

Глава 6. Странник. Сон

Прикорнул усталый путник
У обочины дороги;
Бывший исхудавший узник
Позабыв про все тревоги
В тень деревьев под листву
Лег, предавшись живо сну.
По утру не зная злобы
Без опаски и тревог
Шли с силками на работы
Не жалея рук и ног —
Люди разных положений
На базары, в мастерские
И в мечети для молений,
На посты сторожевые;
В общем поднялось село
И пошло в Багдада стены,
Не заметивши скитальца,
Словно были вправду слепы.
Только два отсталых старца
Засмотрелись на него,
Мимоходом чтя молитвы:
«Как несчастным нелегко…
Прокаженным и избитым
В грусти стонущим, забытым

Миром подлым и скупым…
И в отличии от них
Мы в уюте дома спим.» —
Так твердили старики
Горько сетуя в печали
И доставши из сумы
Мясо, что с собою брали
Положили к изголовью
Спавшего там Абдулы,
С той заботой и любовью,
Что родные лишь могли.
А затем тихонько дальше
По делам своим пошли.
«Люди были лучше раньше,
Не бросали братьев павших
И убитых, до земли
На руках своих несли.
Прежде люди лучше были
И надежней и честней.
А теперь уже забыли
Про устои прошлых дней…»
Черный ворон горевал
Провожая в путь – дорогу
Добрых старцев. Он не знал
Про несчастную тревогу.
Абдулле во сне явились
Виды ада, там кружились
Орды демонов, они
Души грешников несли

На съедение сатаны;
Чтоб истлели до золы
Их тела и чтоб сыны
Были здесь погребены
В старом царстве грозной тьмы.
Там внизу у лавы выли
В копоти, дыму и пыли
Души проклятых во век.
«О, безумный человек!»
Демон зарычал косой —
«Люд, с нетленною душой,
Превознес пороки ты,
Встав совсем уж у черты,
За которую зайти
Побоялись даже мы!
Род пороками доволен,
Будто хлебец пересолен.
Я смотрю на вас, зверята,
Вы постигли блажь разврата,
И теперь уж, как когда – то
Вам не станет небо радо!
Власть, пороки-все едино,
Честолюбие в сердцах
Души напрочь извратило.
Утешение в слезах
Не найдете и напрасно
Боретесь в морских сетях,
Ведь, когда уйдете, ясно…
Посмотри, Дитя! Узри!

Ты со всеми будешь вскоре, —
Сорваны замки с двери,
Нет нужды уже в запоре, —
Вы в пути и по дороге
Той идете без труда,
Словно вольные потоки,
Воды чистого пруда.
И за это все накажут
Вас, никчемные скоты,
Горло петлями обвяжут
Руки самой черной тьмы».
С этими словами демон
Воспарил и улетел,
А в болоте безызменном
Билась также куча тел.
Абдулла туда глядел,
Где смыкались две скалы:
«Вы свершили много дел
И достигли похвалы,
Замечательной награды:
Вас окутывают яды
Серы душной, красной лавы-
Вот венец печальной славы,
Что при жизни вы сыскали,
В мире том, где промышляли
Непотребными делами…
Я достиг предела, грани,
Но пока не рухнул вниз.
Ангел мне поможет в высь

Вознестись, я знаю сам, —
Ведь не даром поклоняюсь
Впредь великим небесам.
А за все грехи я каюсь,
Жертвою их стал я сам.»
Так Абдул глядел с укором
На никчемный грязный люд,
Что вовек уже не сможет
Сбросить бремя тяжких пут.

Утро весело глядело
На усталые леса
И с зарей синица пела
Вылетая из гнезда,
Предвещая: день настанет,
Просыпаться всем пора.
Лучик радостно сияет
Пробиваясь сквозь туман,
Через горы и деревья,
Сквозь травы сплошной бурьян,
Свет несет он и тепло,
Согревает землю нашу.
Солнце ясное взошло,
Расплескав сияния чашу.
Пробудились все цветочки,
Стебельками поднялись,
Птицы после долгой ночки
Полетели стаей в высь.
Ручейки казалось тоже

Побежали побыстрей,
Вдоль печальной темной рощи
В тишь задумчивых теней.
Странник медленно проснулся,
По – турецки сел, нагнулся
И увидел: о, судьба —
На траве была еда.
Зашептал Абдул хвалы,
К небу вознеслась мольба,
Благодарность пути,
Что блага его судьба.

Глава 7. Луга

Где – то праведный мужчина
Помогает всем больным,
Будто часть большого клина
Подражает он святым;
Голодает, но не стонет —
Ровно тяготы несет.
Если даже горло сохнет —
Он другим воды нальет;
Забираясь по дороге,
Горку малую иль склон,
Будь малы они, высоки,
Стерпит все – ведь он силен.
Духом падшие на яства,
Искусители, злодеи,
Что творят одни лукавства,
Алчные, лихие змеи,
На него с укором глядя
Строят козни, дураки,
Понапрасну силу тратя
Копят лишь себе долги.
Метя словно на вершину
Уходящих в небо скал
За полой таит дубину
Стада подлого шакал.

Те, кто лучше и милее, —
Благородные мужи,
Духом тверже и мудрее,
Что смирили страсть души,
Неугодны миру злому,
Ведь живут не по тому
Всеединому закону, —
Пряча старую суму
Возвышают ту корону,
Что еще за сто веков
Возложил на древа крону, —
Старец сброшенных богов.

Где – то солнышко сияет,
Дарит лучики тепла,
И они во тьме играя
Слепят сонные глаза.
И от этого вздыхая
Путник только без конца
От сияния закрывает
Страшные черты лица.
Вдалеке цветет зарница,
Просыпаются поля,
Ранняя гогочет птица.
Зашумела конопля.
Ива клонится главою
У песчаных берегов,
Над чистейшею водою
У далеких, у прудов…

Мирно высятся деревья,
Молча стоя в тишине.
Слышно крики, ветра пенье,
Где – то на крутом холме.
И причуды не стирает
Здешний мир своей печалью:
Кажется еще – порхают
Грезы тонкой вуалью.

***

В бесконечной череде
Дней минувших и наставших,
Кланяясь своей звезде,
Думаю о братьях павших,
Те, кто веру защитили
И мечами и стрелой,
Явно смельчаками были, —
Им неведом страх земной;
За какие – то победы
Небо их пригрело там
И теперь они заветы
Сверху тихо шепчут нам.

Где – то говорят озера,
Быль веков передают
И неведомые споры
Меж собою все ведут.
Города большие зноем

Солнце щедро одаряет,
Это стало сущим горем —
Будто небо всех карает.
Из – за дюн не видно море,
Только скалы и пески.
Лишь ромашковое поле
Избавляет от тоски.
Хоть редки цветы и травы
На иссушенной земле
И царят крутые нравы
В столь запущенной среде,
Но она моя родная,
Я люблю ее до слез,
Не тая и не скрывая
Говорю о том всерьез.
Все луга, леса и степи
В сердце трепетно храню;
И моря, озера, реки
Даже малые ценю.
Невзирая на погоду, —
Дождь идет, иль зной стоит, —
Благодарен небосводу,
Благо им я не забыт.
Все соцветия лугов
Разум вдохновляют мой,
Овевают сто ветров
Мысли сладостной волной.
Чередой идут сезоны,
Год за годом, день за днем,

Думы только непреклонны
Рассуждают о своем.

Море дальнее, о, море,
Покажись во всей красе.
Предо мной явитесь зори
В шуме грома при грозе.
О, листва, шуми погромче,
Шелести, зеленый клен.
Если я открою очи —
Пропадет прекрасный сон! —
И поэтому звучите,
Да играйте для души!
При таком несчастном виде
Трели для меня важны!
Убаюкайте скитальца,
Пожалейте вы меня,
На чужбину я убрался,
Я – отшельник с сего дня!
Но слезу вы не найдете
На израненной щеке,
Ведь пока мой дух на взлете
Прибывает по весне.
Я спокойно отдыхаю
Лежа тихо на бугре,
Мирно время коротаю,
Глядя облачко в заре.

Потемнела мира чаша,

Заблестел злотистый край,
Удивительно украшен
Небосвода яркий рай, —
Будто пир явили боги
Перед смертными смеясь,
И в сердцах они жестоки:
Ведь судьба их удалась.

***

Засыпая на закате,
Погружаясь мирно в сон,
Я признаю: жизни ради
Всякий я стерплю закон.

Глава 8. Туман

Они живут под слоем пыли
И не глядят уже на свет, —
Глаза навек они закрыли, —
И там, где были их уж нет.
Не слышат люди стоны, зовы
Гудящие стенания струн
Через земли сырой оковы
Следя за сотней дальних лун.
Гудят следы давно погибших,
Хранят засохшие уста
Баллады чувствами отживших
И музыка друзей проста…
Их иногда глаза жестоки
Теперь печально плачут вдруг,
А реки в бурные чертоги
Их прямиком влекут на юг.
Где рай быть может или темень
Укутает тела и души,
А желтых трав увядших зелень
Навеки приютит заблудших.

Они все тут, в тумане сером.
Ты погляди: багрянец тот
Когда – то был душой и телом

Ну, а сейчас в тиши бредет.
И не найдешь лица в помине,
И не узнаешь в нем черты,
Но будешь кланяться святыне,
Не зная большей темноты.

Красоты тебе не надо,
Цвет тебе уже не мил!
Ладна тень немого сада,
Где не жил ты и не был,
За руку тебя зажимает
И заведомо ведет —
Мимоходом обещая
Грани чистые высот.

***

Бурый он – туман умерших,
Горьковат слегка на вкус:
Душ уже давно истлевших, —
То есть грех и тяжкий груз.
И возница тянет гордо
Их большой, несчастный грех,
Лошади в упряжке морда
Вовсе не сулит успех
На задворках угнетенных
Мира адского, гнилого;
Души те на раскаленных
Угольках лежат без срока.

***

Стелется туман лукаво,
Выводя дурные лица.
И глядят они не здраво —
Плотью жаждут насладиться!
Ах, гордыня не смолкает:
Также путник все идет
И в тумане дым вдыхает
Без упреков и забот.
А багрянец – то лоснится,
Всеми красками пестрят,
Будто ранняя зарница,
Цвета красного заря.
Но немы в округе тени,
Не забрать уже им душу;
Не поставить на колени
Свет кому уже не нужен,
Кто согреться не желает
У огня и у свечи,
Да опасности не знает
На окраине ночи…
Кто безумно наступает
На преграды острой шип,
И порыв души смиряет
Немотой холодных рыб.

Благо – свет уже мерцает,

Разгоняя дыма седь,
Больше смрад не так воняет,
Тлен не стал огнем гореть.
То ли день уже в округе
Начинает возвышаться
Унося с собою муки
Тенью кучевой багрянца,
То ли утро наступает,
Воздавая гимны свету
И унылый взор бросает
Молодому зною лета.
Непонятно то явление…
Неизвестности таят
Алой дымки появление
И царивший гнили смрад.

***

Роща высится, прилесье,
Молодой орешник тут,
В этом миловидном месте
Воскресил благой уют.
Почва кое – где мелькает
Золотой песок тесня,
Черноземы выступают
В лучиках красуясь дня.
Пару желудей собравши
Расколол их в миг Абдул:
Ах, какой же я уставший,

Мне бы съесть печеных кур.
Блюду соус я б добавил
И поджарый хлеб себе
Непременно в рот отправил,
Воздавая дань крупе.
Голод правда очень страшен,
Кто бы, что ни говорил
Рядом жаль не видно пашен,
Я б и зерна проглотил.

***

Лес укутал покаянием
Путник лишь его настиг,
Тенью сказочным касанием
Успокоил сразу в миг.
Тихо стало, безмятежно,
Только листья шелестят
Упоительно и нежно,
Рощи мир покойный свят.
Забываться горе стало,
Все обиды и упреки,
Все, что путника терзало.
Страхи сделались далеки
В поднебесье улетев,
Даже мелкие пороки,
Путь грозой преодолев,
Разлетелись на осколки.
Замерло биение вдруг

Непокорного сердечка,
Прекратился вольный стук.
Под горой струилась речка.
***

Искупавшись и умывшись,
Охладил бедняга душу.
Этот миг немного длившись
Подарил опалу стужу.
На пригорок вор забрался
И прилег на солнцепек.
Вот теперь ему казался
Душный не такой денек.
Потянувшись он улегся,
Повернув лицо направо,
От сомнения отрекся
Выгнув ноги величаво.
Речка же ему журчала
Ту мелодию простую,
Что легко и не лукаво
Пела песенку святую.

Глава 9. Раненый

Завопил ужасно некто
Все округу оглушив, —
То в степи бывало редко
И поэтому пленив
Абдуллы сознанье плотно —
Этим самым известив,
Что лежит он беззаботно.
Крик скитальца вел в обрыв…
Бедуин нещадно воя
Помощи себе хотел,
Окровавлен от побоев
Он на самом дне сидел.
«Ожидаешь ты героев?
В самом деле значит смел…
Мог в усердии ведь ноя
Ты собрать степных химер! —
И тогда б случилось горе.»
Много боли натерпелся
Весь изрубленный араб.
Он вертелся, так вертелся,
Что в усталости прозяб.
Содрогаясь телом дивно
Стон лишь раненый издал
И пугающе наивно

К Абдуле тянуться стал.
Но овраг глубокий очень,
Не достать, не прыгнуть вниз, —
«Друг несчастный, век не кончен,
Помогу я – ты держись.
Разыщу большую палку
Или ветку отломлю,
Мне тебя, родимый, жалко,
Подожди, сейчас приду.»
И скиталец быстро канул,
Убежал назад по тропке,
Гром пока еще не грянул.
Ринулся Абдул по сопке.
Море зелени засохшей
Колосилось на просторе
От дождя в росе промокшей
Украшавшей степи поле.
Золоченые бурьяны
Бесконечно стерегут,
Воздымая пышно станы,
Здешний трепетный уют.
А повсюду тлен и камни
Неподвижно собрались,
Все они по духу равны —
Все от жизни отреклись,
Пожелтев на солнцепеке
Ожидают день за днем
Туч высоких на Востоке,
Что окатят их дождем.

Степь деревья иссушила,
Опалила зноем их,
Сучья, ветви обломила,
Превратила в неживых
Те растения в угаре;
И в затеянном кошмаре
Ни один усталый ствол
Блажь не знал, а только мор.
Лес увечий бесконечных
Не имел пушистых крон,
Тот недуг казался вечный,
С давних пребывал времен
В этом месте горемычном
Он заразою чумной,
Той болезнью необычной,
Но такой уже родной…
Не найти хорошей палки
В этой проклятой долине.
Жизни трели, как вы жалки.
Кара это мне отныне.
Вечер гонит ветер сильный,
Тени катят от перелеска
Темнотою и обильно
Давит это душу резко.
Путь не близок оказался,
Чтобы палку отыскать.
Шел Абдул и спотыкался,
Не желал впотьмах блуждать,
Торопился он усталый,

Руки, ноги ободрал
Загнанный в порыве, ярый
Палку все же отыскал.
И назад пустился тут же
По бурьяну и траве,
По большой багряной луже,
Зыбкой серенькой земле;
Напрямик Абдул бежавший
Думал только без конца:
Как бы путник мирно ждавший
Не ушел бы к праотцам…
«Лишь не умер бы бедняжка
И на дне не околел.
Как ему должно быть тяжко.
Как безмерен зла – предел!
Как его дрожат колени
И от страха ум болит,
Что в ночи – шальные тени
Принимают грозный вид.
Я бегу, бедняга павший,
Чтобы вытянуть тебя
Из забвенья ямы, ставшей
Ямой твоего гроба.»
За пригорком, за листвою,
За покатым бугорком,
За невзрачною тропою
Завиднелся злой разлом.
«Ничего, что ночь настала!
Не беда, ты мне поверь:

Рано очень… Время мало
Для рыданий и потерь,
Для испугов и кошмаров.
Не волнуйся, друг, я тут» —
Шел Абдул среди туманов,
Поднося к оврагу прут.
Но никто не откликался
И на помощь не просил
На овраге оказался
Уж когда Абдул без сил.
Он на темень загляделся,
Черноту признав свою;
С нею он приятно спелся,
С нею был не раз в бою.
И увидеть он решился
Ямы мрачной той предел,
В непроглядной тени жижи
Образы бесовских тел,
Что по трупу раз за разом
Пробегали не спеша
И моргали ярым глазом
Кости челюстью кроша…
Там, на дне канавы вязкой
Род шакалов пировал
И ревел над бурой кляксой,
Мясо сладостно жевал.
«Не успел я… До заката,
Брат, тебя спасти, прости…
Велика души утрата —

Давит сердце, боль в груди.
Не грусти, бедняга – путник,
В лучшем мире ты сейчас.
Ну, а я простой преступник
Удаляюсь в поздний час.»

Глава 10. Дорожка

В горочку дорожка вьется,
Убегая в облака,
Их вот – вот она коснется —
Видно – то издалека.
Заступая на высоты
Знаю -, право не судьба, —
В небе тонут даже звезды, —
Не дотянется скала.
И дорожка не коснется
Маленьких небесных туч,
На чужбине остается
Под тенями. Даже луч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.